

Во власти наживы

Когда Цюй Юньме покинул повозку, Сяо Жун поначалу хотел остаться внутри, но, вспомнив о нраве Юй Шаочэна, не смог усидеть на месте. Стоило лишь вообразить, как этот юнец в пылу страсти сносит голову Великому вану, как Сяо Жуну становилось не по себе — такая нелепая смерть была бы верхом несправедливости.

Велев остановить повозку, Сяо Жун спрыгнул на землю и поспешил вслед за ваном.

Путь Юй Шаочэна не был усыпан розами. Из шести тысяч воинов, покинувших Южную Юн, несколько сотен пали в стычках во время побега, а еще часть — дезертировала, не желая служить Армии Чжэньбэй. Теперь под его началом оставалось менее пяти тысяч сабель.

Все они были облачены в доспехи южан, покрытые дорожной пылью. Младший Юй прекрасно понимал, как выглядит его потрепанное войско, а потому, получив доклад от дозора, благоразумно остановился в ли от основных сил и выслал вперед гонца.

Цюй Юньме не стал сам скакать к нему, но, получив известие, позволил Юй Шаочэну явиться.

Юй Шаосе уже замер в нетерпеливом ожидании. Увидев Сяо Жуну, он радостно улыбнулся и кивнул ему.

Сяо Жун:

«...»

Преисполнившись мрачных предчувствий, юноша лишь молча отвернулся и устремил взор вдаль.

Вскоре показался и сам Юй Шаочэн. Одинокий всадник на полном скаку приблизился к ним и, резко натянув поводья в паре чжанов от группы, легко соскочил на землю. Он мгновенно узнал в суровом воине Чжэньбэй-вана и, подбежав, опустился на одно колено.

— Юй Шаочэн прибыл к Великому вану! — звучно проговорил он. — Прошу вас не отринуть мою верность и позволить до последнего вздоха служить в рядах вашей армии!

Поза его была безупречна — всё-таки сказывалось воспитание в семье высокопоставленного чиновника. Сяо Жун, широко раскрыв глаза, принялся внимательно изучать облик новоприбывшего. Окончив осмотр, он на мгновение замер.

«Отчего же он выглядит столь... обычно?»

Реакция Цюй Юньме была схожей, но его поразило иное: гость ни капли не походил на сурового полководца. Ван невольно поморщился, подумав, что перед ним еще один «белоручка» вроде Юань Байфу. Неужели в Южной Юн теперь и генералов обучают манерам книжников? Это его раздражало.

Впрочем, хоть облик юноши и не пришелся вану по душе, его пассионарность и жизненная сила заслуживали уважения. Увести за собой несколько тысяч воинов из-под носа властей — задача не из легких. Южная Юн держала основные силы на берегах реки Хуай и в Цзиньлине, и то, что этот человек сумел выбраться невредимым, уже говорило о его таланте. Более того, несмотря на изнурительный марш, взгляд прибывшего лучился энергией, и в нем не было ни тени усталости.

На полях сражений древности, лишенных ореола мистики и магии, полководцу прежде всего требовалась железная выносливость — иначе после первых же сраженных врагов силы покинут его, и он утратит авторитет в глазах солдат.

Во всем, кроме внешности, Юй Шаочэн казался вану вполне подходящим; глядя на него, Цюй Юньме словно видел самого себя в юные годы. Не тратя времени, Великий ван велел ему подняться и тут же назначил командиром гвардии, вменив в обязанность охрану господ советников.

Сяо Жун:

«...»

«Один Чжуан Вэйчжи ушел — другой Юй Шаочэн явился»

Новоиспеченный командир не выказал ни тени недовольства. Будучи чужаком, он и не рассчитывал на высокую должность сразу, а место в гвардии давало возможность быть ближе к Великому вану и собственному брату.

Вскочив на ноги, юноша бодро отчеканил согласие и одарил Юй Шаосе ослепительной улыбкой. Тот, хоть и смутился, ответил ему взглядом, полным гордости.

Младший Юй просиял еще ярче.

Сяо Жун с каменным лицом наблюдал за этой сценой братской любви. Цюй Юньме, заметив, что время близится к полудню, велел войску остановиться для отдыха и кормления лошадей. Развернувшись, он поймал на себе странный взгляд Сяо Жуна, прикованный к молодому генералу.

Цюй Юньме:

«...»

— Отчего ты покинул повозку? — спросил он.

Сяо Жун не сразу перевел на него взгляд:

— Я беспокоился о Великом ване.

«А еще больше — о собственной шкуре»

Цюй Юньме:

«...»

В сердце Великого вана словно повеяло весенним теплом. Его лицо мгновенно смягчилось, и перед уходом он заботливо произнес:

— День сегодня выдался славный. Правильно сделал, что вышел: солнечный свет пойдет на пользу твоему слабому телу.

Сяо Жун что-то неопределенно буркнул в ответ и, когда ван удалился, продолжил прислушиваться к разговору братьев. Юй Шаосе и Юй Шаочэн не виделись два года и явно скучали друг по другу, хотя и старались не выставлять чувств напоказ. Старший справлялся о тяготах пути, младший — о жите-бытье брата на Севере.

Сяо Жун наострил уши, опасаясь, что Шаосе сболтнет лишнего.

Однако Юй Шаосе ответил с улыбкой:

— Всё хорошо. Армия Чжэньбэй — достойное место, я бы не стал заманивать тебя в ловушку.

Младший брат покраснел:

— О чем ты говоришь, а-сюн? Лишь бы быть рядом с тобой, а остальное — тлен.

Сяо Жун:

«...»

«Разве так общаются родные братья? Неужели он должен это слушать?» — лицо юноши вытянулось, словно его только что ударило молнией.

Поговорив еще немного, Юй Шаочэн засобирался к своим подчиненным. Старший брат отпустил его, и лишь когда всадник скрылся из виду, Шаосе вспомнил о застывшем рядом друге.

Он вежливо обратился к нему:

— Младший брат Сяо, не желаете ли разделить со мной трапезу?

В походе время приема пищи всегда зависело от погоды и местности. Обычно ели дважды в день — таков был обычай того времени. Такие, как Сяо Жун, привыкшие к трехразовому питанию и вечным перекусам, в Чжуньюане встречались редко.

Впрочем, теперь он был под крылом Армии Чжэньбэй, и прокормить его не составляло труда — даже если бы он ел по семь раз на дню, запасов бы хватило. Лишь Гао Сюньчжи пребывал в вечном недоумении: он из кожи вон лез, готовя Сяо Жуну деликатесы, но здоровье юноши никак не шло на поправку.

Сяо Жун смотрел на Юй Шаосе столь пристально, что тому стало не по себе. Наконец юноша решительно схватил его за локоть и утащил в свою повозку.

Под ошеломленным и тревожным взглядом Шаосе Сяо Жун задал вопрос, который не давал ему покоя:

— Отчего ты и твой брат ведете себя столь... естественно?

Юй Шаосе:

«...»

Надо же, а он-то уже успел навоображать невесть что.

Этот вопрос вызвал у него лишь добрую усмешку:

— Мы с Шаочэном росли вместе, в наших жилах течет одна кровь. Разумеется, мы близки. Неужели брат Сяо спрашивает об этом, потому что боится не найти общего языка со своим младшим братом?

Сяо Жун твердо посмотрел на него и отрезал:

— Вовсе нет.

Юй Шаосе:

«...»

«Лицо твое говорит об обратном»

Он и сам не знал, как объяснить это Сяо Жуну. Хоть он и покинул дом в двенадцать лет ради учебы, уезжал он недалеко — всё время крутился в окрестностях озера Шэян. Младший брат частенько навещал его и привозил гостинцы, так что узы их не ослабли. Сяо Жун же почти не упоминал о родных, но, судя по всему, за долгие годы странствий он почти не бывал дома.

Это можно было понять: Сяо Жун обладал столь обширными познаниями, что наверняка сменил множество учителей, среди которых, несомненно, были великие мудрецы-отшельники. Лишь так он мог явить миру свои таланты.

Поразмыслив, Юй Шаосе попытался утешить его:

— Долгая разлука порождает неловкость, но привязанность детей одной матери не исчезает за годы. Зная твой благородный нрав, я уверен — твой младший брат столь же почтителен и скромен. Тебе не стоит опасаться, что он забыл, как быть твоим братом.

Сяо Жун пробормотал:

— В этом-то я как раз не сомневаюсь.

Юй Шаосе уже хотел было улыбнуться, но юноша договорил:

— Я боюсь, что это я позабыл, как быть братом ему.

Юй Шаосе:

«...»

Цзяочэн

К тому времени, как основные силы Армии Чжэньбэй достигли Цзяочэна на Лёссовом плато, А Шу и его спутники уже прибыли в Синьянь.

Чжан Бечжи и его люди сбросили доспехи, переодевшись в платье обычных купцов, перешли реку Хуай и двинулись вглубь Южной Юн, чередуя скачки на лошадях с бесконечными переправами на лодках.

Чжан Бечжи:

«...»

Его мутило от качки.

Эта дорога пробудила в нем неистовое бешенство. Откуда на юге столько воды?! Теперь понятно, почему в армии поползли слухи о создании речного флота. Хотя он и не заезжал в Чэньлю, направляясь сюда из Гуанчэна, было ясно — тот город стоит в окружении рек и каналов.

Как жить в таком краю? Ученые мужи невыносимы: вечно подбивают Великого вана переносить столицу туда, где коню негде развернуться. Одно расстройство.

Чжан Бечжи едва исполнилось восемнадцать. Пять лет назад Цюй Юньме изгнал варваров из округа Чжанъу и спас тысячи людей, среди которых была и семья Чжан. Они были богатыми землевладельцами, хоть и не дотягивали до титулованной знати. Старый глава рода Чжан, желая отблагодарить спасителей и обрести опору, выдал свою красавицу-дочь за генерала Цзянь Цяо.

Надо признать, старик был хитер: в ту пору Армия Чжэньбэй была сборищем холостяков, но он выбрал именно Цзянь Цяо — не самого статного, не самого храброго и, пожалуй, самого покладистого из всех командиров. Преодолев сопротивление родни, он буквально всучил ему и дочь, и сына в придачу.

В детстве Чжан Бечжи ни в чем не знал отказа. В восемь лет на его долю выпали суровые испытания: семья выжила лишь благодаря тайному подполку. Позже, когда варвары пытались править этой землей, его отца то и дело вызывали к властям — то требовали денег, то запугивали. Соседи, не зная правды, решили, что семья Чжан переметнулась к врагу.

Те годы были для него горькими. Всюду его встречали холодные взгляды. Обладая взрывным нравом, он лез в драки и осыпал недругов проклятиями; стоило ему выйти за порог, как он тут же находил неприятности.

А потом пришла Армия Чжэньбэй, и у него появился покровитель. Накопленная годами злость превратила его в несносного задиру. Цзянь Цяо, будучи его зятем, вынужден был вечно

вытаскивать его из передряг. К тому же юнец обладал недюжинной силой — если доходило до драки, мало кто мог с ним совладать.

В итоге мир получил высокопоставленного наглеца и повесу.

Пока судьба не свела его с Сяо Жуном, Чжан Бечжи был к нему безразличен. Но теперь, когда его отправили за бабкой этого книжника, юноша преисполнился недовольства: с какой стати он должен утруждать себя ради семьи какого-то ученого?

Свои мысли он, не таясь, высказывал А Шу. Слуга Сяо Жуна в пути всегда отличался молчаливостью и лишь терпеливо слушал эти излияния. Порой Чжан Бечжи казалось, что тот витает в облаках, но иногда он замечал, что взгляд А Шу то и дело косится влево, и лишь когда ворчание прекращалось, тот спокойно опускал веки.

Знай Чжан Бечжи основы психологии, он бы понял: А Шу вовсе не игнорирует его, а прилежно запоминает каждое слово, чтобы позже доложить господину.

В Синьане А Шу летел вперед, словно на крыльях. Хоть он и прожил здесь недолго, дорогу к дому помнил отчетливо. Чжан Бечжи, ворча, следовал за ним, пока они не остановились перед маленькой дверцей. Сдерживая трепет, А Шу осторожно постучал дважды.

Чжан Бечжи:

«...»

«Ты это для мышей стучишь?»

С досадой отпихнув слугу, он изо всех сил забарабанил в деревянную створку. Дверь задрожала, грозя сорваться с петель.

Этот домик в свое время нашел и снял Сяо Жун. Цена была сходной — не слишком высокой, но и не малой. Внутри располагались две жилые комнаты, каморка и крохотный дворик.

Испугавшись, что наглец разнесет их жилище, А Шу попытался втиснуться вперед, и в этот миг дверь отворилась.

На пороге показалась седовласая старуха. Лицо её было испещрено морщинами, а во взгляде читалась крайняя настороженность. Игнорируя А Шу, она вперилась в Чжан Бечжи:

— Так это ты — тот самый разбойник, что ломился в мою дверь?

Чжан Бечжи едва не подпрыгнул от возмущения:

— Какой я тебе разбойник?! Я — добрый человек, пришел забрать тебя к родне!

Услышав это, госпожа Чэнь изменилась в лице и замахала руками:

— Что?! Мне уже седьмой десяток пошел, как я могу снова замуж выйти? К тому же, добродетельная жена второму мужу не служит. Ни за что!

Чжан Бечжи:

«...»

Он едва не позеленел от злости.

— Я... когда я говорил, что хочу на тебе жениться?! Ты...

А Шу мгновенно понял — у старой госпожи снова помутился разум, причем основательно. Опасаясь вспыльчивости спутника, он поспешил привлечь её внимание:

— Госпожа, это же я! Я — А Шу, неужто не признали? В прошлом году я уехал вместе с господином. Он обещал, что придет за вами и маленьким господином. Неужто позабыли?

Старуха замерла. Она подняла глаза и с сомнением посмотрела на него:

— Ты... А Шу?

Тот радостно закивал:

— Да, это я!

Лицо старой госпожи вдруг исказилось, и она разрыдалась:

— А Шу, что же ты так долго? Твоя женушка не дождалась тебя тридцать лет назад, так и преставилась в одиночестве!

А Шу:

«...»

Тридцать лет назад его отец еще в люльке лежал.

Видя перекошенное лицо А Шу, Чжан Бечжи наконец почувствовал удовлетворение. Значит, эта старуха не только над ним измывается.

Вскоре вернулся Сяо И, ходивший за припасами. Увидев у дверей толпу людей, он поначалу решил, что на них напали, но, узнав А Шу, замер, и глаза его наполнились слезами.

За девять месяцев разлуки Сяо И немного подрос, но в остальном изменился мало. С его приходом дело пошло на лад: хоть бабушка и была не в себе, внука она слушалась. Узнав, что брат зовет их в Чэньлю, Сяо И без лишних слов принялся собирать вещи.

Лишь в разгаре сборов он спросил, как поживает Сяо Жун и окрепло ли его тело.

А Шу предпочел промолчать.

Тогда же слуга передал Сяо И второе поручение господина. Мальчик поначалу оторопел, но в его сердце Сяо Жун давно стал единственным родным человеком. Что бы тот ни задумал, он был готов исполнить это любой ценой.

Оставив домашние хлопоты на А Шу, мальчик на некоторое время ушел из дома.

Перед отъездом Сяо Жун оставил ему множество наставлений. Во-первых, ему строго-настрого запрещалось общаться со старыми знакомыми брата — это могло навлечь беду. Во-вторых, он велел мальчику не торопиться с выбором учителя. Будучи братом Сяо Жуна, Сяо И неизбежно окажется в центре внимания. Если он выберет посредственного наставника, великие мужи будущего могут не захотеть принять его в ученики — в это время репутация и статус значили всё, и ученые мужи ревностно оберегали свое положение.

Сяо Жун полагал, что лишь исполняет свой долг, устраивая судьбу ребенка, но его забота до глубины души тронула Сяо И. Брат не бросил его, он продумал его жизнь до мелочей и в каждом письме обещал забрать к себе. Неудивительно, что мальчик был предан ему без остатка.

Потому все эти месяцы Сяо И прилежно учился дома, выбираясь лишь на вэньцзи — собрания книжников. Хоть он был еще мал, в нем чувствовался талант, а имя клана Сяо открывало перед ним двери многих литературных кружков.

Остановившись перед местом очередного собрания, Сяо И сглотнул от волнения и шагнул внутрь.

Не прошло и дня, как весть о возвращении Фоцзы Мицзина из паломничества в Индию облетела всех ученых Синьяня. Поговаривали, что, едва ступив на родную землю, Сын Будды не задержался ни на миг и отправился напрямик во владения Чжэньбэй-вана. Ныне он живет и ест за одним столом с канцлером вана, готовясь к великому переезду в Чэньлю.

Но не это известие стало главным потрясением. Согласно надежным источникам, Великий ван намерен созвать в Чэньлю небывалое собрание книжников. Там он лично предложит три вопроса для диспута. Тому, кто сумеет ответить на все три, обещана награда в десять тысяч золотых!

Десять тысяч золотых! Это четыре миллиона больших монет или восемьдесят миллионов малых! Такое богатство способно в один миг вознести человека в ряды хаоцзу — богатейших семей Поднебесной!

Золото туманит разум даже ученым мужам. Хоть многие, услышав о такой сумме, лишь изумленно ахали, привычка взяла свое: они принялись поносить Великого вана, называя его выскочкой. Кто-то даже мрачно шутил, не собирается ли ван перебить всех участников после диспута.

Разумеется, одних денег было мало, чтобы сорвать их с мест. Но тут «осведомленный человек» тяжело вздохнул и добавил: его старший брат служит в Армии Чжэньбэй и доподлинно знает — эти десять тысяч золотых южанам не светят. Великий ван и вовсе не верит, что ученые мужи Юга способны тягаться в мудрости с северянами. Эти деньги, без сомнения, останутся в руках людей Севера.

Собрание взорвалось:

— Неслыханно! Этот неотёсанный вояка смеет презирать нас?! С каких это пор мудрость зависит от того, где человек живет? Половина из нас сами родом с Севера!

В современном мире споры о начинке пельменей способны довести пользователей сети до исступления — что уж говорить о вопросах чести для книжников древности. Они тут же принялись клеймить Великого вана. Мысль была едина: деньги не важны, но необходимо делом доказать этому варвару, как глубоко он заблуждается!

Сяо И, посеявший эти семена раздора, тихо покинул собрание, едва страсти накалились. Синьянь был одним из величайших городов Южной Юн, пристанищем для тысяч ученых. Вместе с соседним Куайцзи он давал приют трети всех книжников страны; еще треть жила в Цзиньлине. Стоило бросить искру, и весть мгновенно облетит Синьянь, а затем и всю Южную Юн.

Поняв, что дело сделано, Сяо И в добром расположении духа вернулся домой, готовый к пути вместе с А Шу.

Тем временем Гао Сюньчжи, Юй Шаосе и Сяо Жун сидели на земле, не сводя глаз с угасшего костра.

Услышав о десяти тысячах золотых, Гао Сюньчжи едва не лишился дара речи:

— Десять тысяч?! А Жун, у нас нет таких денег!

Сяо Жун лениво поворошил палкой золу и потер ухо:

— Знаю. Но то, чего нет сейчас, не значит, что не будет завтра. Великий диспут не закончится за день-другой. Он продлится декаду, а то и дольше. Сюда стекутся тысячи людей из дальних краев. Им нужно будет где-то есть, где-то спать, им потребуются кисти, тушь, бумага... Каждое их действие — это звонкая монета, каждая нужда — золотая жила. Богатые хаоцзу наверняка захотят урвать свой кусок. Великий ван милосерден и не станет отнимать хлеб у народа. Пусть каждая семья внесет «взнос за участие в общем деле», и мы позволим им устроить это торжество под своим крылом.

Юй Шаосе:

— А если они не захотят платить?

Сяо Жун усмехнулся:

— Тогда мы отдадим это право их заклятым врагам. Один человек может быть глуп, но не все же разом. Кто в здравом уме откажется от прибыли?

Гао Сюньчжи слушал, раскрыв рот:

— И этих взносов хватит на десять тысяч золотых?

Сяо Жун отбросил ветку и решительно покачал головой:

— Конечно, нет.

Гао Сюньчжи:

«...»

«Тогда к чему все эти речи?»

Видя его тревогу, Сяо Жун рассмеялся:

— Это лишь малая часть. Диспут оживит рынки, заставит деньги течь рекой. Лишь когда монеты переходят из рук в руки, они становятся богатством; иначе это просто груда мертвого металла. Я хочу вдохнуть жизнь в Чэньлю, наполнить его людьми и товарами. Десять тысяч золотых — лишь яркая приманка. Не беспокойтесь, канцлер, едва ли найдется тот, кто сумеет забрать этот приз. Они придут за золотом, но не каждый его получит. А те, кто уйдет ни с чем, всё равно оставят здесь свои средства. Золото — не главное. Важно построить такой Чэньлю, из которого ни один книжник не захочет уйти. Вот истинная цель.

Слова юноши оставили его спутников в полном недоумении. Будучи учеными мужами, они и представить не могли, что может быть такого в городе, что заставит их остаться навсегда.

Сяо Жун не стал ничего объяснять. Он снова ткнул палкой в золу и, когда глаза его вспыхнули азартом, воскликнул:

— Кажется, готово!

Выкатив из-под углей глиняный ком, он разбил его. По воздуху мгновенно разлился божественный аромат. Сяо Жун, прищурившись от удовольствия, отведал кусочек и блаженно вздохнул.

Указав на угощение, он посмотрел на спутников:

— Как думаете, можно ли продавать такое на рынке? Пятнадцать больших монет за штуку — не слишком ли дорого?

Юй Шаосе:

«...»

Гао Сюньчжи:

«...»

«Тяжела доля в Армии Чжэньбэй. Посмотрите, до чего довели ребенка: он окончательно пал во власть наживы»

<http://bllate.org/book/15355/1421480>